

1/17-68

Жрэн и сика (приложение к Сов. культуре)

НОВЫЙ

В НАЧАЛЕ XX века театральные лидеры говорили о четвертой стене, разделяющей зал и сцену. К концу XX столетия между людьми и театром встала иная, более мощная стена. Она отсекла не сцену от публики, но людей от театра. Театр законсервировался, закрыв окна, преградил доступ свежему воздуху и голосам с улицы. Театр отказывал во внимании культуре, формировавшейся за его пределами. В частности, упорно сопротивлялся встрече с рок-культурой. Специально оговариваю: не с рок-музыкой, но с рок-культурой — мировоззрением целого поколения.

И вдруг «Творческие мастерские» СТД РСФСР выпускают спектакль группы «Чет-Нечет». «Николай Гоголь. Нос» — название постановки Александра Пономарева. «Нос» Гоголя прочитан режиссером через Набокова. Несообразный, «носообразный» мир абсурда и трагедии, фантазмагории и пошлости.

Зеркала — в них отражается сюжет, умножаются зрители и действующие лица: «На зеркало неча пенять, коли рожа крива». Хирургический стол, покрытый зеленым сукном, — славное местечко для анализа по-русски. Вступает голос из-под сукна: «Боже, что они делают со мной... Звени, мой колокольчик, взвейтесь, кони, и несите меня прочь с этого света». Это не лирическое отступление, а рваный, дробный звук сумасшествия Гоголя, безумного мира и его о нем ощущений. «Поднимается протяжно в белом саване мертвец» — Гоголь, автор и герой «Записок сумасшедшего» — черные круги копиркой выведены под глазами... и пошло-поехало. Лихорадочно закрутилась карусель, мечутся актеры, мгновенно меняются ролями. Шиллер оказывается жестяных дел мастером, а Гофман — сапожником, большим другом Шиллера. (Мы Гоголя учили, но, видимо, не читали). Луна делается в Гамбурге, а сухие кондитерские пирожки выпекаются прямо на наших глазах из сухого льда, опущенного в чашку горячего чая, — как они дымят! Нос же... А о носе ли, право, речь? Мир спектакля полон Набоко-

СИЛУЭТ НА СТЕКЛЕ

вым: «черви-черти», «тщедушный инородец», «вихляющая ипостась нечистого», «дьявол из породы мелких чертей, которые чудятся русским пьяницам»...

Фазиль Искандер писал, что можно научиться смеяться, только если дошел до края отчаяния, заглянул в бездну и вернулся назад. В фольклоре, древних обрядах и ритуалах смех считался животворящим началом, противостоящим смерти. Смех — порождение новой жизни и прообраз стихийного, праздничного, свободного от запретов творчества.

«Не театр-картина, а колдовской круг, ритуал, в который мы пытаемся погрузить зрителя» — слова актера из «Чет-Нечет» Бориса Репетура в еще большей степени относятся к следующей постановке Пономарева — «Настоящее» по Велимиру Хлебникову. Поэтический текст разыгрывается так, что становятся ясны его языческие, фольклорные, сакральные корни. Начавшись как языческий ритуал, спектакль выходит на христианское гуманистическое звучание и поет, как

ХОД
1995 — 1 марта 1991 — с. 4

русская душа, то отзвываясь смутным мистическим хаосом, то чистым, ясным церковным пением.

«Елизавета Бам» объединена в одном спектакле с «Наташей и Куприяновым» Александра Введенского. Впечатление, будто Пономарев движется по хронологии трагической российской фантазмагории — загадочное путешествие Носа, «кровавый отблеск» русской революции со всем тем неистовым и мрачным, что подняла она со дна души и жизни и... Нет смысла напоминать год гибели Даниила Хармса. Круг закончен: «Елизавета Бам, откройте». Серая картонная стена-декорация с силуэтом-проломом, в котором исчезнут Елизавета Бам и Даниил Хармс, в который на очень долгое время выпадет культура «обэриутов».

Она возродится лишь в конце 70-х годов в альбоме «Аквариума» «Треугольник» и первых песнях группы «Зоопарк». А в конце 80-х наконец-то доберется до театра, и два человека новой культуры — Роман Козак и Александр Пономарев — поставят два абсолютно разных и в то же время мироощущением схожих спектакля по произведениям Хармса и Введенского.

Спектакли Александра Пономарева открывают нам драматургию русского языка, учат вниманию к слову. Они затягивают энергией мысли и музыки, свободных ассоциаций. Это независимый театр. Подлинно альтернативный. Он страшен и опасен для людей, воспитанных в тоталитарном сознании, ибо освобождает мысль от трафаретов, ехидно играет привычными шаблонами, парадоксально опрокидывает и переосмысливает с детства внушенные образы и цитаты. Он раскрепощает творческую энергию человека. Поэтому, кроме эстетической, в нем есть и политическая сила.

Стена между зрителем и театром проломлена, будем надеяться на то, что силуэты первопроходцев останутся на сером фоне, но на этот раз в память о жизни, а не о смерти.

Марина ТИМАШЕВА.

● Сцена из спектакля «Елизавета Бам».
Фото Р. Спектора.

Помарев Ал.